

Кристина Устинова

Новое поколение

Кристина Устинова

Новое поколение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67894167

SelfPub; 2022

Аннотация

Катарина – обычный современный подросток. Она ведет дневник, рассказывает о школьных буднях и о своей подруге Марго. Так ли жизнь школьников беззаботна, как говорят взрослые? Ответ на этот вопрос даст дневник обычного подростка.

Содержание

5 октября, понедельник, 8:00	5
17:31	7
6 октября, вторник, 17:45	16
12 октября, понедельник, 19:21	19
13 октября, вторник, 18:03	24
14 октября, среда, 19:01	26
15 октября, четверг, 16:45	31
16 октября, пятница, 17:16	34
19 октября, понедельник, 18:32	38

Кристина Устинова

Новое поколение

Арбайтенграунд (Южный округ), 2018 год

Отрывки из дневника Катарины Бернштейн

5 октября, понедельник, 8:00

Дорогой дневник!

Я проснулась с мыслью о том, что сегодня ровно год, как дружу с Марго. Несколько минут я лежала и вспоминала, как мы перед контрольными сидели на задней парте и смотрели что-нибудь новенькое в Интернете... Эх! Как будто это было вчера...

Вот сейчас в школу пойду. Все как обычно: папа читает газетку, а мама смотрит телевизор. Не стану я говорить ей об этой дате, а то она еще ворчать будет. Мы и так вчера разговаривали о Марго, когда она забирала меня из школы: «Вот, говорит, сейчас стояла и видела твою Марго». Подругу я не видела с шестого урока – ушла, пожаловалась училке на плохое самочувствие. Ну, в общем, мама говорит:

– Я ее только что видела, она проходила с компанией подружек и курила!

Дальше она начала загонять: курящая, плохая, распутная – в общем, шлюха.

Ну, во мне заиграла обида за подругу.

– Мне как-то все равно. Это ее дело, мама. Я же ведь не курю, да и не тянет меня на сиги. Она мне их даже не предлагает.

М-да, зря сказала. Мама сразу нахмурилась, напряглась и сказала:

– Ну вот еще чего! Тогда я тебя сразу отправлю на домашнее обучение. Лучше так, чем потом соли начнешь нюхать или валяться в подворотне. Знаю я таких личностей, как эта твоя Маргарезэ: сначала все начинается именно с сигарет. Но я-то что тебе могу сделать? За ручку оттаскивать от нее? Уже взрослая девочка.

Я не стала ничего говорить – даже ты знаешь, как она любит сгущать краски! Только вот... говорить такое ребенку – это нормально? Понятно, чтобы запугать, но что-то мне подсказывает, что так нельзя говорить.

К тому же Марго классная, я говорила об этом. Да, не всегда хочу брать с нее пример, но все же ничего страшного не произошло.

Ладно, пойду я, а то мама прогревает уже машину.

17:31

Уф! Все, уроки закончила, можно и с тобой поговорить.

День прошел нормально. Я общалась с Марго, а о случае с мамой рассказывать не стала, да и зачем лучшей подруге знать, что моя мать ее не любит? Короче, сегодня же понедельник, значит, половина уроков (биология, химия и астрономия) – у этой фрау Беккер. Я вижу ее всего два раза в неделю, только по понедельникам и вторникам, но каждый раз захожу в ее класс, пропитанный химикатами, как в первый. Снова она нанесла себе боевую раскраску, а волосы заплела в такой тугий пучок, который можно оторвать только вместе с головой. Он даже не шевелится, как у настоящей куклы! Ну, она такая сидит себе, сложив лапки, и смотрит, как мы заходим, ухмыляется, только качает головой. «Ща опять начнет заливать», – прошептала мне Марго, когда мы сели. Как оказалось, она не сделала домашку, а это не только плохая оценка – всю неделю тебя будет провожать ее наглый взгляд и насмешки.

Вот фрау Беккер встала и начала расхаживать, проверяя домашку у каждого. Я все заранее подготовила и сидела себе с каменным лицом, ведь не придерешься. Уже давно Беккер мне и слова не говорила, этим я и довольна. Марго сидела так же спокойно, а когда училка подошла к нам, она ей даже улыбнулась.

– Здравствуйте!

– Ну здрасте, здрасте, – пропищала Беккер. – А что у нас здесь? Где же работа?

– Забыла.

– А голову дома не забыла? Или ты писать разучилась? Ноготки тебе мешают, что ль?

Улыбка исчезла с лица Марго.

– При чем здесь это, фрау Беккер? Я просто забыла тетрадь...

Та покачала головой.

– Ну-ну, а телефончик под партой лежит, попку твою греет, а? Или это вибратор?

В кабинете захихикали. Пожалуй, насмешки – самое уязвленное место Марго. Она побагровела, я сама лично видела, как глаза ее засверкали. Подруга сказала:

– Мне казалось, что учителю нельзя даже близко произносить подобные слова. Вы перегибаете палку, фрау Беккер.

Училка скривила губы.

– Ну-ну. Да раньше я тебя бы палкой ударила за такой тон и наряд, вот только устав не позволяет.

– И слава Богу.

Зашептались. Даже эта тварь Маслов ничего не твякнул. Я смотрела то на Беккер, то на Марго; вообще я никогда не видела, чтобы из нашего класса кто-то этой училке перечил. Было на то несколько причин. Во-первых, тогда придется смириться с плохой оценкой и получасовой лекцией о том,

какие дети нынче пошли; во-вторых, если перегнуть палку, то можно нарваться на докладную, отчет директора и звонок родителям; в-третьих, никто не хотел связываться с таким токсичным человеком, как фрау Беккер. Тем более она ведет у нас три предмета, неприятно получить плохие оценки, ведь это наш последний год в школе.

Марго тоже этого придерживалась, но, как видно, сегодня не выдержала. Когда фрау Беккер отошла к столу и стала стучать по клавиатуре, что-то записывать в журнал. Подруга поджала губы, хотя лицо оставалось таким же непроницаемым.

Неожиданно усмешка впервые за долгое время исчезла с лица фрау Беккер. Она одним хлопком закрыла ноутбук, призывая класс к молчанию. Мы повиновались. Она в полной тишине возвела руки к небу и заговорила как будто и не с нами, а со стенами и потолком:

– Господи, до чего же мы дожили?! Когда исчезло воспитание, дресс-код, понятие чести и нравственности? Мальчики ведут себя как свиньи, девочки одеваются как с трассы – и где в этом мире, спрашивается, уважение к старшим? Вот даже взять исламские государства: там за такое розгами порют, а у нас этого нельзя делать – дети золотые, дети – цветы жизни, у них хрупкая психика!

– У нас другой менталитет, – сказал Джо, подняв руку, – и это сравнение несколько... некорректное.

– А я считаю, что по делу! – огрызнулась Аиза, единствен-

ная девочка в нашем классе в хиджабе. – И жаль, что у нас не так!

– Да так и не будет, – просто ответил Джо. – У нас же не исламское государство.

– А ислам ты даже не вздумай...

– Я просто его упомянул, без какого-либо подтекста...

Фрау Беккер перегнулась через стол, ее лицо скривилось.

– А ты, Джо, считаешь это нормальным? Тогда почему вы до сих пор не устраиваете оргии в школе? Ну же, совокупляйтесь! Ну что, почему вы этого не делаете? Это же круто, у вас есть право на это!

И тут понеслась! Начали спорить, затронули Свод законов, ислам, Европу... Я не смогу привести тебе все примеры – рука отсохнет, да и потом, за день почти всё забылось. Я просто молчала, втянув голову в плечи; пару раз пыталась высказаться, но мне то один, то второй рот затыкал. Я не стала спорить. Я не люблю спорить. С одной стороны, это не очень хорошо, так как не всегда можешь доказать свою правоту, а с другой – меньше нервов тратишь. Одна собака тявкнет – и вся стая подхватит.

Марго также молчала и сидела в телефоне.

В итоге спор класса закончился тем, что фрау Беккер, вся красная, с растрепанными прядями, ударила по столу.

– Закройте рты! – заорала она так, что я вздрогнула. – Закрыли тему. А ты, Шуппе, сейчас же пойдешь к директору!

Марго вскочила, уронив телефон, и закричала: «Почему

я самая крайняя?!» На что фрау Беккер сказала, что Марго послужила «катализатором всех бед, и мало того, что сорвала урок, так еще и в телефоне сидит!» В итоге моя подруга выбежала в коридор, училка тоже вышла, а мы со звонком последними покинули кабинет.

За подругу я переживала. Как же так-то – весь класс гудел, а она осталась крайней? И за что ее надо к директору вести? За телефон? За домашку? Ну да, в адрес учителя ей стоило, на мой взгляд, промолчать, но зачем все-таки ее вести туда? Я, если честно, вопросы бы задавала учительнице, которая позволяет себе слово «вибратор». Хотя мы уже и взрослые, но так говорить педагогу нельзя.

Итак, дверь в кабинет директора заперта, я не отважилась пойти туда, поэтому ждала Марго всю перемену, пока не прозвенел звонок. Пришлось поднять попу с лавки и отправиться на урок, который был у нашей классной руководительницы, учителя немецкого, фрау Либерт.

Так как ты у меня всего месяц после дня рождения, мой **Любимый-Подарок-Марго**, наверняка еще не совсем знаешь нашу классную, точнее, её характер. Вот сейчас мне хочется с тобой поделиться.

Наша фрау Либерт – педагог молодой. Опыт у нее есть, вот только он не вытеснил ее мягкость и нежность. Она всегда с нами общается как с маленькими детками: пренебрегает такими словами, например, как «ключик», «книжечка», «тетрабочка», хлопает большими голубыми глазами и улы-

бается. Она никогда не ставит плохих оценок и старается тянуть тебя за уши, чтобы ты хотя бы научился буквы красиво писать, а большего для приличного балла и не надо!

За такое ее невозможно не любить. Хороших учителей любят, особенно если это классный руководитель: дарят подарки, готовы помочь прибраться в кабинете, поздравят со всеми праздниками... Вот только я сочувствую таким учителям – они своеобразные жертвы стокгольмского синдрома, которые знаю только метод пряника.

Вот пришла я в кабинет, все мы расселись, и вскоре вернулась к нам фрау Либерт – поникшая такая, печальная.

– Дети, – мягко заговорила она, – а что случилось? Почему меня сейчас вызывали в кабинет директора? Фрау Беккер говорит, что вы ей сорвали урок.

– Да эта дура Марго все начала! – закричал Маслов. – Вот как бы взять палку и...

– А я считаю, – воскликнула Аиза, – что это все Джо!

– Да можешь замолчать, пока я тебе хиджабом рот не заткнул?! И вообще, какого хрена ты села на мое место?

– Ну, вообще-то он прав, – пропищала Мэри, обнимая его. – Могла бы и уступить.

Аиза побагровела.

– Да что же это такое?.. Ну, села и села – и что? На перемене я освобожу...

– Рот закрыла, собака крытая, – заржал Андрей, и смех подхватил весь класс.

– Ребята, успокойтесь, – сказала фрау Либерт, – мы же о другом говорим.

– Да уступи ты ему, жалко, что ли? – крикнула Майн, еще одна подружка Маслова.

Тот дал ей подзатыльник.

– Тихо ты! Ее только Кораном по башке ударить надо, вот тогда и услышит, может быть.

Аиза, вся красная, с грохотом убрала учебники в портфель и села со мной. Я слышала ее дыхание – шумное и прерывистое. Мне стало жалко Аизу, так как она объект насмешек... И для кого? Для Маслова! Хотя только попробуй упомянуть про водку и балалайку – тут же врежет, даже не посмотрит, что ты девушка. Насчет места – его любимейшего, единственного на свете места, то есть за второй партой у окна в первом ряду, – я сама же перегрызлась один раз с ним. Помнишь? Я ему тогда еще средний палец показала, и он отстал. Правда, мне тоже хотелось врезать по первое число, но я дерьмо не трогаю.

– Ну что?! – воскликнула Аиза. – Что не садишься-то? Давай, занимай свое место!

– Уже не хочу, – сказал Маслов и улыбнулся.

– Тебе тогда что, водочку с балалайкой принести, чтобы уютно было?

Он насупился.

– Лучше я буду с медведями танцевать, чем только один Коран слушать. За языком следи, женщина!

Весь класс разразился таким хохотом, что никто не слышал даже ропота фрау Либерт: «Андрюша, миленький, перестань... Ну хватит уже тебе, ну что ты развел-то, конце-то концов?». «Господи! – подумала я, чувствуя, как в самой нарастает злость на Маслова. – На месте учительницы я бы без предупреждения поставила плохую оценку за поведение... но нет». А Маслов все не унимался, шептался со своими подругами, и так прошел весь урок.

В общем, я снова спустилась вниз, в кабинет директора, и там уже увидела Марго с матерью – сухонькой старушкой. Лицо у подруги было заплаканным, а мать обнимала ее за плечи и говорила:

– Ну все, все, перестань... Если хочешь, я могу тебя отпросить с уроков. Хочешь? А завтра не пойдешь в школу...

– Нет, мама, – сказала Марго и отстранилась от нее. – Не надо.

– Но все же...

– Мама, закрой рот!

Фрау Шуппе ахнула.

– Да как ты смеешь?! Настырная девчонка!

Тут я увидела то, от чего прям обомлела: Марго замахнулась на мать... но не ударила. Та опешила и тут же сказала:

– Ладно, доченька, я пошла. Коль не надо, так не надо.

Так мать и ушла. Меня аж передернуло: да если бы я себе позволила такое в отношении своей матери, она выпорола бы меня как сидорову козу! Что же это такое – поднимать

руку на мать, тем более такую старую?! Я направилась к ней и задала тот же вопрос, а она мне:

– Отстань, у меня и так плохой день.

Я промолчала. Это ее дело, я не лезу в чужие семьи, а маме своей говорить не буду, а то мало ли, что она потом на меня будет думать, вдруг буду брать со своей подруги пример.

Я упоминала, что не могу спорить. Вот и здесь так же. Марго особо не говорила о своей семье: только то, что мама-бухгалтер у нее, отец умер от рака. Она долгожданный ребенок. Может, это и послужило тому, что мать сдувала с нее пылинки? Опять же это не мое дело. Я не хочу семью, я не мать, я не имею понятия о воспитании, если только не брать примеры из книг или передач, или фильмов.

Однако теперь у меня мнение о Марго сложилось другое – и уж точно не в ее пользу.

Ладно, я заканчиваю на сегодня, а то уже рука болит.

6 октября, вторник, 17:45

Дорогой дневник!

Вчера я отвлеклась и забыла сказать, как прошла беседа с директором. И Марго, и ее мать требовали, чтобы фрау Беккер уволили, но в результате той лишь сделали выговор. В итоге конфликт исчерпан.

Сегодня же тема не касалась ни Беккер, ни Аизы, ни Маслова. Наш первый урок у фрау Либерт начался с таких вот слов:

– Сегодня, дети, к вам пришел новенький, сын нашего завуча. Встречайте, Диди Шульц!

В кабинет вошел широкоплечий, элегантно одетый высокий парень с бородкой. Он держал впереди себя портфель, его взгляд был то устремлен в пол, то бегал из стороны в сторону – это я сразу подметила. Его встретили аплодисментами, а фрау Либерт заговорила:

– Ну, привет, Диди. Расскажи о себе. Не стесняйся, у нас дружный класс. Как мы знаем, ты сын завуча?

– Угу. – Диди кивнул, даже не посмотрел на учительницу.

– Ну что, куда ты хочешь сесть?

– На первую, – прошептал он. – У меня зрение плохое...

Фрау Либерт кивнула и усадила его на первую. В классе зашептались, послышались смешки. Диди украдкой огляделся по сторонам и достал аж целый «военный набор»: тетрадь-

ки, учебник и даже бумажный дневник, а еще пакет с соком.

Потом фрау Либерт говорила – уже не помню, что именно. Я так, чисто из любопытства поглядывала на новенького и поняла, что он мне не нравится. Господи Иисусе, какой же он зажатый! Сидит себе, втянулся, руки положил на парту, смотрит только на учителя, иногда кивает, словно изображает из себя паиньку-отличника! Я не говорю, что это плохо, но зажатость... «Ладно, – думаю, – может, он просто стесняется? Новый коллектив как-никак».

Не зря мама говорит, что я часто поспешно делаю выводы!

Но меня убило другое, дорогой дневник. На этого Диди смотрела Марго – еще каким взглядом! Я никогда не влюблялась, но, насмотревшись всяких второсортных мелодрам по телевизору, примерно представляю, как выглядит влюбленная девушка. Господи, ее глаза прям сияли, она оторваться от него не могла!

Подруга повернулась ко мне и прошептала:

– Симпатичный, правда?

Я нахмурилась и честно высказала свое мнение. Марго махнула рукой и сказала:

– Да ну тебя! А вот я с ним познакомлюсь.

Не стала ничего говорить, это все-таки ее дело. На перемене она действительно подошла к этому Диди. Они сели на лавочку и говорили практически всю перемену, а я стояла в стороне, залипала в телефон. Голубки расстались со звонком. На уроке мне не удалось пообщаться с подругой, а

потом мы вместе пошли домой. По дороге в раздевалку мы слегка отделились от толпы, и Марго сказала:

– Да, ты в какой-то степени права. Он действительно зажатый человек, но, поверь, не настолько.

– Что же он тебе сказал? Каков он в общении?

– Если честно, из него и слова не вытянешь! По большей части говорила я. Ну что он рассказывает? Говорит, что пришел из соседней школы, что учится хорошо, читать любит – прям для тебя!

Я поморщилась.

– Не смейся мои подковы. Он маменькин сынок!

– Ты слишком жестко судишь людей, Катарина. Вот узнаем его поближе, может, он раскроется в нашем коллективе. Но согласишься же, он симпатичный?

– Признайся, что ты в него втюрилась.

Марго лишь хитро улыбнулась и перевела тему. Я не стала ей ничего говорить, мой дорогой дневник, но интересно, интересно... Посмотрим потом, что представляет собой этот Диди!

12 октября, понедельник, 19:21

Дорогой дневник!

Я уже почти неделю не писала о Диди, не стала тратить чернила, а просто за ним наблюдала, теперь хочу кое-какие выводы сделать. Может, они покажутся тебе поспешными, однако прошло уже достаточно времени.

Чаще всего интуиция меня не подводит. Действительно, Диди так и не примкнул к нашему коллективу и стал, как бы это грубо ни звучало, отшельником. Вроде бы он учится хорошо, активно отвечает на уроках, но замкнутый до такой степени, что я его не понимаю. Он почти не здороваётся, ничего не говорит и всегда от нас куда-то уходит. Потом я его случайно встретила на перемене возле матери-завуча, она повела сына в кабинет. Спустя минут пятнадцать он вышел оттуда, и я увидела контейнеры на столе. У дверей уже толпились дети, и только после ухода сына завуч, которая на тот момент стояла на замене у пятого класса, впустила их. На следующий день такая же история произошла с нами, когда завуч вела у нас литературу, но не впускала, пока этот Диди не поест.

Причем самое смешное, что Марго его еще и защищает!

Я, например, сказала:

– Ну, это кошмар какой-то, он самый настоящий эгоист!

Не впускать класс только потому, что он, видите ли, есть хо-

чет? Ему что, сложно кушать при всех? Чего он стесняется?

– Ну, он просто голодный...

Рядом с нами стояла Сабина, дочь учителя английского. Она вмешалась в наш разговор со словами:

– Знаете, это все равно что я сейчас пойду обедать и закрою перед носом дверь. Некрасиво получается.

– Он боится, что мы испортим ему аппетит своими рожками! – заржал Джо, присоединяясь к разговору.

Нас пропустили с задержкой на пять минут. Диди сидел уже на своем месте, завуч убирала контейнеры и даже с его парты грязную влажную салфетку (то есть он даже не может убрать за собой!). Никто ничего не сказал, но по-любому мало кто в восторге от такой ситуации. Подобное повторялось еще раза два, а уже многих раздражал Диди, только открыто никто не говорил. Почему? Вот Аиза высказала общую мысль:

– Потому что его мать нас завалит во всех смыслах. Он же постоянно трется вокруг нее!

Даже Маслов его не трогал... до этого дня.

Короче, это произошло, когда у нас было «окно». Училка по физре заболела, у нас заменяла фрау Либерт. Там мы свободно, громко общались, пока я не заметила Маслова, он подошел к Марго со словами:

– Че так ярко нарядилась?

Она нахмурилась.

– Тебе чего?

Но у того на жирной роже расплылась улыбка.

– Что-то я заметил, что ты эту неделю прям как жар-птица: прихорашиваешься вся, расхорашиваешься... Че, новенький приглянулся?

– Слушай, заткнись и иди по своим делам, понял?

Я даже не ожидала, что Маслов пожмет плечами и отойдет. Но он встал возле Диди и наклонился к нему. Мы с Марго отчетливо слышали его слова:

– Ну че, Диди, как делишки?

Тот втянул голову в плечи, хотя в два раза больше него, и заулыбался.

– Все хорошо... в общем-то...

– Как у нас в классе?

– О, у вас замечательный класс... угу.

– С кем-нибудь сдружился?

Диди улыбнулся.

– А зачем тебе?..

Маслов тоже улыбнулся.

– Ну, просто интересно знать, ведь я как староста класса...

– А-а... Да так, не особо общаюсь...

– Слышь, а тебе нравится эта вот, Маргарезэ?

Диди опустил голову и ничего не ответил, а я тем временем наблюдала за Марго: лицо ее побагровело. Она вскочила и громко, на весь класс сказала:

– Оставь ты его, Маслов. Не твоего ума дело. Иди лучше к своим... *подружкам*, – последнее слово она произнесла с таким презрением, что эти его подружки активно зашепта-

лись между собой.

Маслов усмехнулся и как заорал:

– Тили-тили тесто, жених и невеста! Диди и Марго – любят они долго, любят они страстно, любят они нежно!

Раздался взрыв хохота, да такой, что фрау Либерт молчала, словно осознавала свою беспомощность. Марго не подошла к Диди, а тот даже не посмотрел на нее. Всю перемену, до урока у завуча, подруга сидела вся красная, как рак. Я ее утешала, пока она не попросила оставить ее в покое. Затем Марго заговорила:

– Тоже мне, царь и бог! Стыдно должно быть: второгодник, хулиган, стоит на учете... Да я на его месте вместо того, чтобы лезть куда не надо, лучше бы за книжки взялась! Русская свинья!

– Успокойся, – сказала я, искренне понимая ее чувства. – Не стоит портить из-за говна себе нервы.

– Я искренне надеюсь, что Господь его накажет!

Что ж, дорогой дневник, скажу заранее: Господь наказал Маслова даже быстрее, чем Марго думала.

Короче, со звонком мы вошли в кабинет. Завуч, обычно вся такая приветливая, улыбающаяся, сегодня стояла над нами как туча над полем, даже не поздоровалась. Диди как ни в чем не бывало сидел за своей партой. Мы все расселись, и в наступившей тишине завуч заговорила:

– Вот я одного не пойму: у вас что, совести нет?

– А что случилось? – наивно спросил Джо, который не

принимал участия в конфликте, но смеялся вместе со всеми.

– Вы что, совсем уже ошалели?! Да как вам не стыдно, как вам не стыдно так издеваться над новенькими? Диди вам ничего не сделал, абсолютно ничего – и нет! У вас хватает еще наглости спрашивать: «Что случилось?» Ну, знаете, это ни в какие ворота... Я на вас всех докладную напишу! – В качестве доказательства она показала нам лист с аккуратным почерком.

Более того, она почти всем, кроме меня и Марго, поставила плохие отметки! Никто не спорил, все молчали.

Честно скажу, не знаю, как будет завтра, но сегодня больше никто не обмолвился с Диди ни единым словом.

13 октября, вторник, 18:03

Дорогой дневник!

После вчерашней ситуации весь класс объявил Диди игнор. Видно, ему так же неловко, однако, думаю, мало что поменялось в его жизни, ведь он и так почти ни с кем не общался. Что же касается Марго, ее открыто не дразнили, но я прекрасно вижу, как ей неудобно ходить под косыми взглядами. Да и вообще у нее день выдался паршивым. Она давно не экспериментировала с краской для волос, в итоге решилась и пришла в школу под стиль а-ля Мэл из «Наследников». Попросту говоря, она покрасилась в фиолетовый цвет. Конечно же, фрау Беккер, которая до сих пор таила на Марго обиду, высказала мнение по поводу ее внешнего вида. Марго же не стала поднимать директора и мать на уши, однако почти не разговаривала даже со мной. Диди как будто пытался подкатить к ней: то сделает комплимент новому имиджу, то спросит о делах. Впрочем, Марго отвечала ему с большей охотой, чем мне.

Я думала, что это будет день как день – ничего нового... Ни фига!

Короче, так уж получилось, что Марго ушла с последнего урока еще до звонка со справкой от фрау Либерт. Когда уроки закончились, Диди чуть ли не первым выбежал из кабинета, а мы все спокойно направились в раздевалку. Я на-

дела сапоги, куртку и вышла на улицу – сегодня такой солнечный прекрасный день! Я даже не расстроилась из-за того, что мама не сможет меня забрать. Листья шуршали под ногами, морозец щекотал лицо: вот оно, думаю, счастье!

Но оно быстро закончилось, когда до меня донесся какой-то шепот. Поворачиваюсь, а там Марго с Диди... целуются! У меня аж челюсть отвисла, дорогой дневник, просто...

Господи, не нахожу подходящих слов, чтобы описать свой шок! Конечно же, на месте Марго я бы не встречалась с ним... Ай, ладно! Впрочем, мне не хотелось лезть в разборки и тем более им мешать, и как можно быстрее я удалилась, но завтра поговорю с ней.

И что она нашла такого в этом Диди? Не из-за его же тела! А хотя...

Грустно, что мне еще сказать! Но Марго воспримет мои слова как осуждение, а я хотела бы лишь объяснить: из-за Диди она закрепит в глазах его мамочки статус няньки. Будет ходить за ним, мсор подбирать и с ложечки кормить. Насколько я знаю, так и происходит с женами и даже «просто подругами» людей его типа. Это хорошим не закончится.

Но ее дело.

14 октября, среда, 19:01

Дорогой дневник!

Сегодня был сумасшедший день, у меня просто нет подходящих слов, чтобы все это описать! Марго рассталась с Диди, ей грозит внутришкольный учет...

Ай, ну на фиг! Короче, все по порядку.

Итак, начнем с того, что мне пришлось сесть с Аизой, та оказалась сегодня на удивление общительной, и мы перемывали одноклассникам косточки, а Марго села рядом с Диди, и начался первый урок. Ничего особенного, он прошел нормально, а потом наступила длинная перемена в двадцать минут. Класс спустился на второй этаж, где по большей части тусуются козявки с пятого по восьмой класс. Марго с Диди ушли, места свободного оказалось немного, но мне посчастливилось сесть напротив кабинета, и я включила наушники. Сразу говорю, сквозь музыку до меня доходили какие-то крики, но я не придавала значения: у этих обезьян ни дня не проходит без крика.

Ну, ладно, не это главное. Короче, я первая прошла в кабинет, толпа присоединилась чуть позже. Тут села Аиза: глаза у нее прям горят! Она мне сказала так:

– Ты видела, что тут вообще было?

Я покачала головой. Она чуть не выпрыгнула из своего хиджаба и быстро заговорила:

– Да тут, прикинь, Марго-то подралась!

– Да ладно?! С кем?

– С какой-то семиклассницей, не знаю, из-за чего все так.

Марго на уроке не появилась, я ее не видела даже на перемене. Я места себе не находила, учителя вообще не слушала. Аиза подробностей не знает, другие тоже не в курсе, а Диди вообще как будто воды в рот набрал! Марго не пришла и на следующий урок, поэтому я спустилась вниз. Кабинет директора был закрыт, из двери раздавались голоса, но слов я не могла разобрать, поэтому села на лавку и стала ждать. Спустя пять минут дверь отворилась, и первой чуть ли не выбежала девочка с зареванным лицом, с ярким макияжем, собранными в хвост волосами и в настолько короткой кожаной юбке, что мне стало как-то неудобно, хотя и все равно, как одеваются другие. В общем, она тут же побежала в раздевалку, а за ней, похрамывая, следовала то ли бабушка, то ли мать, – не поняла я.

Затем в дверях показались Марго с матерью. Они, как будто не замечая меня, встали друг напротив друга с каменными выражениями лиц.

Первой не выдержала мать: по ее щекам побежали слезы. Она замахнулась и дала Марго такую пощечину, что звон разлетелся по всему коридору. Я тихонько ахнула от неожиданности, у Марго ни один мускул на лице не дрогнул. Мать закричала:

– Какая же ты мразь! Я тебя растила в любви, заботе, ба-

ловала – и что тебе еще надо было? Захотела приключений? Нате, распишитесь да не подавитесь! Все, милая моя, теперь ты доигралась.

С этими словами она развернулась и ушла. Марго стояла несколько секунд на месте, потирая щеку, а затем зарычала, словно зверь. Я не двигалась с места, не хотела тревожить ее, но она как будто вспомнила обо мне, села и заговорила:

– Катарина, у тебя бывало такое, что ты совершала серьезные ошибки?

Я задумалась.

– Ну... насколько серьезные?

– Тебя когда-нибудь грозили поставить на внутришкольный учет?

– Нет. Так что же все-таки случилось? Что ты прицепилась к этой малолетней шлюшке?

Марго мне рассказала.

С семиклассницей, Элли Голдман, она знакома, но они не общались. Голдман – девочка такая, провокационная. Внешний вид, которым, кажется, она хочет привлечь всю мужскую часть школы, лишь вершина айсберга; Элли участвовала в драках, ее неоднократно заставляли в туалетах с сигаретой, она при всех одноклассниках смотрела порно, а также читала соответствующую литературу (я ее однажды видела с «Камасутрой»). В общем, не девочка, а настоящее чудо. Более того, ее не ставили на учет лишь по одной причине: из жалости. А что? Одинокая девочка без родителей, воспитыва-

ется бабушкой, она озлоблена, нельзя отвечать злом на зло! Но почему моя подруга подралась с ней, раз уж они никогда не пересекались? Ответ Марго меня просто убил... во всех смыслах.

Дорогой дневник, Голдман подкатывала к Диди.

Господи, я сейчас пишу это, и мне самой смешно!

Короче, Диди и Марго гуляли по коридору, а тут к ним подходит эта козявка, начинает ходить вокруг Диди кругами и расспрашивать его о том, как дела. На вопрос «А что сделал сам Диди?» Марго лишь покачала головой. Я так поняла, он вообще встал столбом и молчал. Вместо него ответила Марго: «Отвали, пошла прочь!» Произошла между ними словесная перепалка, а первой ударила как раз Голдман. Позволять малолеткам бить – значит не уважать себя. Конечно же, Марго дала сдачи, так драка и завязалась. В результате у Голдман синяк на щеке и ссадины на руках. Марго отправили к директору и вызвали мать. Не знаю, преувеличивает моя подруга или нет, но эту Элли снова выставили бедной и несчастной, хотя та не стеснялась в крепких выражениях в присутствии взрослых, а Марго выставили жестокой и бессердечной. В итоге ее угрожают поставить на учет, если подобное повторится.

Марго закончила свой монолог такими вот словами:

– Кети, ты очень мудрая. Ты изначально была права в том, что Диди – маменькин сынок. Боже, и что я в нем нашла?

– Вот это я должна тебя спросить.

– Прошу тебя, не надо...

– Ну ты и дура, конечно. Более того, таких проблем хваталась из-за него!

– Угу, это точно...

15 октября, четверг, 16:45

Дорогой дневник!

Ну что я могу сказать по поводу вчерашнего? Голдман я видела: всё в таком же виде ходит, только теперь у нее на лице небольшой такой синячок, но настолько выделяющийся, что она не смогла его скрыть даже тремя слоями тоналки. Марго вела себя как обычно, проходила мимо нее с гордо поднятой головой; с Диди она не общалась, тот даже не смотрел в ее сторону. Зато это событие стало настоящим кладом для сплетен одноклассников; некоторые то шептались за спиной, другие же подходили к нашей парте и задавали вопросы типа: «А че вчера было? А зачем? А почему?» Мы их игнорировали. Благо все закончилось во второй половине учебного дня, когда возник новый спор: на сей раз между Сабиной и Майн, подругой Маслова. Короче, они вдвоем, Маслов и Джо, сидели отдельной компанией. Сразу отмечу, что Майн нарядилась по-особенному: в кофточку, каблуки и коротенькую юбочку. Тут Маслов говорит:

– Майн, а че ты, это, так вырядилась?

Она усмехнулась.

– Заметил, да? Да я тут в ТЦ ездила, покупала новые шмотки.

– Видно, что дорогие.

– Ну да. У меня была днюха, вот поехала. Мама дала ку-

пон, чтобы я купила вещи от кутюрье.

– А-ха-ха, от *кутюрье!*.. Может, от кутюр?

– Может быть, но это не смешно. Вообще-то я купила вот эту кофточку за целых пять тысяч марок.

Сабина, которая сегодня оделась в любимую водолазку и джинсы, присвистнула.

– Господи, и зачем переплачивать, когда точно такую же кофточку можно купить на распродаже максимум за тысячу? Мало того, что люди и так покупают много чего ненужного, так еще и переплачивают.

Майн усмехнулась.

– Ну, у обычных людей, в отличие от нищевродов, немного отличаются взгляды на жизнь.

Сабина насупилась.

– Это кто из нас еще нищеврод?

– Не я, это точно. Я не хожу в одной и той же одежде каждый день.

– Ну, хватит вам, – сказал Маслов. – Да какая разница, кто в чем ходит?

– Главное, – сказала Майн, – чтобы никто никого не осуждал. И вообще, твое ли это дело, Сабина, как я трачу деньги? Захочу – и айфон себе куплю. – В наступившем молчании она повернулась к Маслову и захлопала накладными ресницами. – Кстати, Андрюша, а когда ты мне его купишь? Ты же обещал, а с днюхи прошла уже неделя.

Маслов нахмурился и не отрывал взгляда от телефона.

Тут же прогремел звонок, и диалог на этом кончился.

Чуть попозже я узнала из разговоров, что Майн во время перемены поссорилась с Масловым и вроде бы как даже рассталась с ним. По крайней мере, они не сидели вместе и за весь остаток дня ни разу не заговорили. Марго и Аиза, которые ненавидели и одну, и второго, злорадствовали, я тоже к ним присоединилась.

Ну не плакать же!

16 октября, пятница, 17:16

Дорогой дневник!

Это что-то с чем-то, говорю тебе! Это не класс, а какой-то... зверинец, что ли? Ни дня без скандалов!

Короче, продолжился конфликт Майн и Маслова относительно айфона. В самом начале урока училка, фрау Беккер, опаздывала, а мы пользовались моментом внезапного отдыха. Тут Маслов встал, подошел к Майн и протянул маленькую коробочку со словами:

– С прошедшим.

Та нахмурилась, открыла коробочку и, даже не вытащив оттуда предмет, закричала:

– Издеваешься? Я просила айфон, а не какой-то андроид!

Маслов тоже вспылил:

– Это ты издеваешься! Я потратил на него шесть тысяч!

Майн ничего не ответила и кинула коробочку на соседнюю парту. Майн и Маслов вцепились друг в друга взглядами, как два ошпаренных кота, а затем он набросился на нее. Это случилось так неожиданно, что многие даже не шелохнулись. Мы с Марго сидели на своих местах, вытягивали шею, чтобы увидеть драку. Одноклассники опомнились и подбежали к месту событий, поэтому всю драку я не видела.

Наконец влюбленных разняли. Все это произошло за несколько секунд, но от спокойствия и красоты Майн не

осталось и следа: волосы торчали клочьями, она разревелась и выбежала в коридор. Маслов провожал ее взглядом, тяжело дыша. Толпа сплотилась вокруг него и молчала. Аиза сказала:

– Ну ты и тварь, Маслов! Поднимать руку на женщину – ниже всякого достоинства.

– Закрыла рот быстро! Будешь своему мужу так говорить, если не побьет тебя за это.

– Вообще-то, – заговорил Джо, – я согласен с Андреем. Ну, сами посудите, она же первая начала. Она прекрасно знала, что Андрей вспыльчивый, что он сегодня не в духе...

– Надо же! – воскликнула обычно молчаливая Роза. – Это что ж теперь, под каждое его настроение подстраиваться? Давайте тогда будем оправдывать убийц тем, что их жертвы спровоцировали.

– Ой, а ты вообще молчи, – сказал Маслов и сел. – Я ей купил, потратил все свои карманные, а она... Тварь она неблагодарная, собака сутулая!

– И все же бить женщин нельзя ни при каких обстоятельствах, – сказала Сабина.

– Мой отец же бил мать все двадцать пять лет брака. И ничего, пережила же.

В этот момент в кабинет вошла училка, и разговоры пришлось оставить. Урок прошел в глубокой тишине, никто даже слова не произнес, что меня несколько удивило, если честно. Майн так и не вернулась, и в конце урока мы вышли

из кабинета, а ее портфель так и остался лежать нетронутым возле окна.

Если честно, мне по большей части все равно на этого чертового Маслова и его Майн, но тут мы с Марго проходили мимо компании. Маслов как ни в чем не бывало со всеми разговаривал, другие смеялись над его похабными шутками. Мы отошли чуть подальше; я чувствовала непонятное, но стремительно нарастающее раздражение. Наконец не выдержала и сказала:

– Ну что у нас за общество такое? Как мы так дожили, что теперь обвиняем жертву, а не обидчика? К тому же оправдываем его, мол, не в настроении он был, деньги потратил! Да кто его просил об этом?

Марго пожала плечами.

– Ну, это как-то меня не касается, мне пофигу... Но, с другой стороны, она действительно спровоцировала...

– Виноват тот, кто ударил, а не тот, кто...

– Ой, да знаю я! – сказала она таким тоном, что я решила не заканчивать фразу.

Ясное дело, тут имелась в виду та ситуация с Голдман.

– И все же, – продолжила Марго с усмешкой, – Маслов не маменькин сынок, как Диди.

У меня аж челюсть отвисла.

– Эй, ты на что намекаешь?

– Да я просто сказала...

– Марго, – заговорила я вполне серьезно; раздражение,

как железо, накалилось во мне до предела, – если ты начнешь встречаться с Масловым, то ты для меня будешь самой последней дурой на Земле. Без обид, но как есть говорю. Мало того, что он сам по себе конченный, так еще он...

– Ну, не такой уж он и конченный, раз к нему многие тянутся.

– Он не дурак, знает, как влиться в коллектив. Что тут прикольного, что он ударил девушку? Что тут веселого? Он что, так показал свою мужественность, так показал свои крутые железные яйца? Нет, он показал лишь отсутствие мозгов!

– Ну, ну, не заводись. Я просто сказала, к слову пришлось... Что ты так бурно реагируешь? Перестань.

Действительно, я поймала себя на мысли, что почти перешла на крик, сердце колотилось уже у самого горла. Мы направились в кабинет, чтобы подготовиться к следующему уроку.

Кстати, забыла: Майн вскоре ушла домой. Она ничего не сказала, просто тихо ушла...

19 октября, понедельник, 18:32

Дорогой дневник!

Это что-то с чем-то, вот честное слово! Не перестаю удивляться нашему классу. Я была о нём лучшего мнения.

Но давай обо всем по порядку, я люблю порядок даже в этих записях. Только мне надо перевести дух...

Короче, начну с Майн.

После событий в пятницу она пришла с толстым слоем крема, вся опухшая да еще в очках. Понятное дело, учебу прогуливать не захотела, но мне впервые стало ее по-человечески жалко. А пришла она, кстати, не одна – ее сопровождал лысый толстый мужчина лет примерно пятидесяти. Когда он вошел за пять минут до первого урока, мы все так и уставились на него. Он оглядел наш класс и спросил так грозно:

– Где Маслов?

На удивление никто не стал кричать: «Вот он, ловите!» Все просто молчали, точнее, покрывали его. Майн указала на обидчика и сказала:

– Это он, папа.

На самом деле мы все знали, что он ей не отец, а отчим, который воспитывает ее лет так с пяти. По сути, я знаю, у них очень хорошие отношения, как у отца с дочерью. Это я не зря упомянула, кстати.

В общем, Маслов встал и сказал:

– Ну да, это я. И че?

Отчим вплотную подошел к нему; лицо покраснело, глаза чуть ли не вылезали из орбит.

– Ну что, падла, понравилось тебе на девочек руки распускать?! Отвечай!

– Не кричите вы так. Я имею право хранить молчание.

– Знаешь, если бы мы находились во дворе, я бы тебе морду размазал, понял меня? А так как тебе уже семнадцать, я написал на тебя заявление! Теперь ходи и оглядывайся.

– Где у вас доказательства, что это я ее избил? Может, это вы? Она не далась вам, а вы ее за это шмякнули?

В классе раздались сдавленные смешки – и тут же все снова смолкло. На секунду отчим как будто опешил от такой наглости, замолчал, но снова заговорил:

– За такие слова нам бы в детстве по роже давно съехали. Что, думаешь, если ты школьник, тебе все можно? Ни хера! Ты уже большой мальчик, и я найду на тебя управу, вот увидишь. Но если я еще раз услышу от своей дочери, что ты ее хоть пальцем тронул, я проломлю тебе череп, даже если сяду!

– Тогда потренируйтесь мыло с пола поднимать, в тюрьме пригодится.

Отчим поколебался с минуту и ушел, Майн побежала за ним и спустя две минуты вернулась. Я тем временем слушала Маслова:

– Дочь! Эй, он тебе скорее папик, нежели папа!

Майн молча прошла в конец ряда и села одна возле самой стены. Я проводила ее взглядом, но тут меня привела в чувство Марго. Она как будто вообще пропустила конфликт мимо ушей, сказала:

– Слушай, а ты скинулась на подарок фрау Либерт?

– А я и забыла... Ладно, мир не рухнет.

У фрау Либерт сегодня день рождения, а я впервые за столько лет забыла об этом, дорогой дневник! Сначала мне стало совестно, а потом подумала: «Ну ладно, на словах поздравлю. Ничего страшного, мои гроши мало что решили бы».

Вдруг вошла фрау Либерт в фиолетовом платье в горошек аж до пола, с уложенными волосами. Встретили мы ее аплодисментами. Она покраснела, рассмеялась и даже не успела опомниться, как вдруг к ней подошел Джо с гигантским букетом, из которого торчали шоколадки, фрукты, искусственные цветы и декоративные ягодки.

– Ох, спасибо, спасибо большое! – говорила она со слезами на глазах. – Что ж, ребятки, ставьте парты, а я пока чаем займусь.

Началась настоящая суета: мальчишки передвигали парты, мы, девочки, накрывали стол купленными Аизой, Сабиной и Лиззи конфетами и печеньками. Потом все расселись (я, конечно же, села возле Марго), и фрау Либерт разлила нам по стаканчикам чай. Мы принялись за трапезу. Спустя несколь-

ко минут руководитель встала с горячим чаем и заявила:

– Дорогие мои! Я очень рада, что вы меня поздравили таким шикарным букетом, это действительно для меня многое значит. И да, с начала года не прошло и двух месяцев, но уже приключилось столько событий, как хороших, так и плохих. – Она сделала паузу. – Я желаю в свой день рождения, чтобы все плохое осталось позади, а приятное грело сердце и осталось в памяти навсегда. И все же я рада, что стала вашим классным руководителем много лет назад. Только подумать, за все эти годы наш состав практически не поменялся! Да, появились новые люди, и они изменили жизнь нашего класса к лучшему. Даже возьмем в пример тебя, Андрюша.

Все с усмешкой устремили на него взгляды. Он покраснел, заулыбался, поднялся и сказал:

– Ну, че я могу еще сказать? Класс мне нравится, это уж точно. Вы, фрау Либерт, действительно самый лучший классный руководитель! У нас самый дружный класс, и я рад, что играю в нем не последнюю роль. Вот бы все учителя были такими же, как и вы!

Ему зааплодировали.

«Ага, как же! Побольше бы таких учителей, которые дают тебе свободу!» – подумала я.

Но самое интересное впереди, мой дорогой дневник! Это еще цветочки...

Короче, на протяжении чаепития, а длилось оно всего урок, мы с Марго почти не говорили. Вообще она мне сего-

дня показалась на удивление молчаливой, даже не смотрела в мою сторону. Когда урок закончился, мы все прибрали и направились в кабинет к училке Беккер, я спросила:

– Что с тобой? Почему ты такая сегодня задумчивая?

Марго пожала плечами.

– Да так, о своем задумалась... Слушай, меня на этом уроке не будет.

Я так и замерла.

– В смысле?

– Ну... мне плохо.

Она побежала в туалет, и весь урок я ее не видела. Более того, после пятнадцати минут урока слинял и Маслов, и он также до конца урока не появлялся.

Наступила перемена, мы вернулись к фрау Либерт, у которой с нами был еще один урок. Маслов и Марго вошли в кабинет одновременно, запыхавшиеся, растрепанные и...

Счастливые.

Они поцеловались. Я не стала ничего говорить и наблюдала лишь за тем, как они вместе садятся за одну парту. Также Марго сделала одно движение, которое уж точно не скрылось с моих глаз: она убрала в кармашек коробочку с презервативами.

...После уроков я подошла к Марго и сказала:

– Какого черта? Хочешь оказаться на месте Майн?

– Ой, да перестань! Дура она, сама виновата.

– Дура – это ты.

– Если тебе что-то не нравится, мы можем прекратить наше общение.

С этими словами она взяла под руку Маслова, и они вдвоем удалились.

Теперь только ты у меня остался, дорогой дневник! Я тебя сохраню в память о Марго. О прежней Марго. А с подружкой Маслова дружить не хочу – пойду на принцип. Я не вмешиваюсь в дела друзей, но тоже делаю свои выводы.